

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Диана Викторовна Шаблинская

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь,
shablinskaya@bsu.by, <https://orcid.org/0009-0008-7171-8569>

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам уголовно-правового воздействия, которое обосновывается и рассматривается как социокультурный феномен. Целью данного исследования является формирование нового научного знания об уголовно-правовом воздействии с использованием социокультурного подхода как методологической основы исследования и выявление основных направлений понимания и совершенствования мер уголовно-правового воздействия на современном этапе развития общества. Методологическую основу исследования составляет социокультурный подход к правовым явлениям с использованием сравнительно-исторического, системного, аксиологического и других методов научного познания. Выявлены закономерности понимания наказания в социокультурном разрезе. Определено современное понимание наказания как формы реализации уголовной ответственности. Обосновано развитие восстановительно-компенсационного потенциала уголовно-правового воздействия. Сформулирована задача поиска универсальной ценностной основы для мер государственного принуждения в уголовном праве. На основе социокультурного подхода точнее определяются перспективы развития уголовно-правового воздействия и уголовного права.

Ключевые слова: восстановление социальной справедливости, государственное принуждение, кара, наказание, охранительная функция уголовного закона, социокультурный подход, социокультурный феномен, уголовная ответственность, уголовно-правовое воздействие, экономия уголовной репрессии

Для цитирования: Шаблинская Д. В. Уголовно-правовое воздействие как социокультурный феномен // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 149–155. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-149-155>

Problems of Criminal law

Original article

CRIMINALLY-LEGAL IMPACT AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Diana V. Shablinskaya

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, shablinskaya@bsu.by,
<https://orcid.org/0009-0008-7171-8569>

Abstract. The article is devoted to topical issues of criminally-legal impact, which is substantiated and considered as a sociocultural phenomenon. The purpose of this study is to form new scientific knowledge about the criminally-legal impact using the sociocultural approach as the methodological basis of the study and to identify the main directions for understanding and improving the measures of criminal legal impact at the present stage of society development. The methodological basis of the study is a socio-cultural approach to legal phenomena, using comparative historical, system analysis, axiological and other methods of scientific knowledge. The patterns of understanding of punishment in the socio-cultural context are revealed. The modern understanding of punishment as a form of realization of criminal responsibility is determined. The development of the restorative-compensatory potential of the criminal-legal impact is substantiated. The task of searching for a universal value basis for measures of state coercion in criminal law is formulated. Based on the socio-cultural approach, it is proposed to determine the prospects for the development of criminally-legal impact and criminal law.

Keywords: restoration of social justice, state coercion, punishment, protective function of the criminal law, socio-cultural approach, socio-cultural phenomenon, criminal responsibility, criminal legal impact, economy of criminal repression

For citation: Shablinskaya D. V. Criminally-legal impact as a socio-cultural phenomenon. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):149–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-149-155>

Пролог. Общеизвестно, что наиболее уникальное и ценное научное знание рождается на междисциплинарной основе. Сопряжение же различных дисциплин и циклов предполагает взаимопроникновение подходов, методов и даже методологических основ наук различного профиля.

В юриспруденции методологический плюрализм позволяет создавать наиболее ёмкую модель правового знания. Не является исключением и наука уголовного права. Вместе с тем, накопленный массив информации о преступлении и наказании слишком велик, и это знание прирастает значительными темпами. Более того, важно не только получать новое знание при помощи устоявшегося в юриспруденции методологического подхода, но и подтверждать уже имеющееся при помощи новых методов, затем верифицировать это знание, утверждая его объективный характер.

Совокупностью методологических приёмов, обеспечивающих анализ любой сферы социальной практики в разрезе культурологических понятий и категорий (культура, нормы и ценности, культурная деятельность и т.д.), является культурологический подход. Ещё более значимым видится применение в правовых исследованиях социокультурного подхода, позволяющего, по справедливому утверждению А. И. Гусейнова, «выявить не только универсальные по своей сути формационные и цивилизационные детерминанты права, его и формационный, и цивилизационный характер, но и его многообразную глубинную природу, его связи с конкретно-историческими особенностями развития того или иного социального организма, с его ментальностью» [1, с. 10].

На страницах юридической печати неоднократно отмечалась культурная и социокультурная ценность юриспруденции, в том числе уголовного права [2–6 и др.]. Весь общественный опыт аккумулируется в культуре, её нормах и ценностях. Мы можем смело утверждать, что (уголовное) право, выраженное в исторических памятниках, является отдельным специфическим массивом духовного пласта культуры. Но не менее значимыми являются достижения правовой науки, объективные и достоверные идеи и представления о праве, изложенные в трудах учёных.

При этом наибольшую ценность представляет то знание, которое воспринято обществом непосредственно как ценность или же является отражением цивилизационных ценностей. В рамках данной публикации нами не ставится задача определить соотношение права и культуры. Обозначим лишь тот тезис, что право нельзя ставить выше культуры и тем более вне культуры. Важно говорить о синтезе права и иных регуляторов поведения людей. Право, особенно уголовное, тесно связано с морально-нравственными ориентирами общества. Видится правильным формирование единой основы всех нормативных регуляторов (права, морали, нравственности). Нормы права и правовые институты возникают на определённом культурном поле, на основе накопленного опыта, имеют культурный контекст. И существуют они в рамках данного контекста, растворяются в нём, пересекаются, взаимопроникают. И всё это происходит в обществе (социуме).

В охранительных отраслях права связь с социокультурными регуляторами наиболее весома. Нельзя рассматривать в качестве преступных и наказуемых те поступки, которые одобряются господствующей нравственностью. Как указывал И.В. Михайловский, «отрицательные результаты получают и тогда, когда уголовные кары применяются для подавления идей, верований, когда они грозят за совершение деяний, признаваемых обществом непроступными» [4, с. 265]. Попирание «государственным» правом культурных и нравственных ценностей даже приобретает характер общественно опасного явления, сходного с базовым свойством любого криминального деликта.

Культурный дискурс уместен и даже необходим в сфере уголовного права. О. Н. Бибики сформулировал важный тезис: «<...> культура, несомненно, выступает основой для формирования поведенческих шаблонов, а потому культурологический аспект всегда должен присутствовать в уголовной политике, направленной на противодействие преступности» [6, с. 19]. А уже цитировавшийся А. И. Гусейнов уточнил, что «социокультурный подход определяет необходимость антропологического поворота в праве и возможность синтеза культурологических и правовых знаний с целью комплексного изучения права» [1, с. 5]. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия также должны рассматриваться в контексте социокультурного подхода, основанного на взаимосвязи культуры и общества. Это позволяет объяснить динамичность и направленность

преобразований государственного принуждения в уголовно-правовой сфере, связь нашей отрасли с основными историческими вехами и явлениями, лежащими в их основе культурными факторами.

Целью данной статьи является формирование нового научного знания об уголовно-правовом воздействии с использованием социокультурного подхода. Для достижения данной цели необходимо: рассмотреть эволюцию содержания мер уголовно-правового воздействия (в первую очередь – наказания); выявить ценностные основы уголовно-правового воздействия и направления его оптимизации. Для этого в дополнение к социокультурному подходу предстоит использовать аксиологический, сравнительно-исторический, системного анализа и другие методы научного познания.

Основная часть. Осмысление эволюции содержания наказания с позиций социокультурного подхода невозможно без обращения в прошлое, когда ещё только создавалась почва для его возникновения как акта отмщения за причинённый преступником вред. Но, олицетворяя в основном мстительный характер, наказание выполняло и компенсационно-восстановительную роль (в условиях феодального строя с децентрализованной властью это предназначение уголовной юстиции получило название «эпохи» или «системы композиций»). Союз возмездия и компенсации причинённого преступлением вреда закреплялся в первых писаных источниках права (для территории современной Беларуси это Русская Правда, Судебник Казимира 1468 г., Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг. и другие памятники).

Институт наказания в своём историческом развитии прошёл несколько этапов. Сначала сам обиженный мстил обидчику. Позже эти процессы стало контролировать общество, устанавливая обязательность наказания за конкретные деяния и его определённые формы. Как отмечает Т. И. Довнар, «с течением времени государство взяло на себя миссию наказания, хотя назначалось оно в главном образом в интересах потерпевшего. Постепенно карательная деятельность подчинилась идее общественной пользы, и интересы потерпевшего были вытеснены интересами государства» [7, с. 439]. Соответственно, для государства наиболее важными представлялись цели сдерживания людей от совершения преступлений («зла»), поэтому наказанию чаще всего придавался устрашающий характер. И хотя в указанных первых нормативных актах содержание наказания не раскрывалось, о нём и его функциях свидетельствовали такие виды наказания, как смертная казнь, телесные и позорящие наказания («покута»). Они имели своим назначением возмездие, подкреплённое религиозными догмами о божьей каре, и устрашение. Наряду с этим за наказанием сохранялся и восстановительно-компенсационный характер, означавший возмещение за счёт виновного причинённого потерпевшему вреда. Главный итог культурной эволюции наказания в том, что оно, пройдя путь от кровной мести до меры, устанавливаемой законом, получило статус государственного принуждения, назначение и исполнение которого монопольно обеспечивалось государственной властью.

Указанные выше свойства наказания сохранились и в последующие периоды развития уголовного права, о чём свидетельствуют тексты Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. и Уголовное уложение 1903 г. Внимание к наказанию не только не ослабело, но и существенно повысилось в советскую эпоху. Криминалисты обновлённой страны вынуждены были вкладывать в понятие наказания новый смысл, оправдывать его жёсткий репрессивный характер потребностями подавления контрреволюционных элементов при параллельном смягчении ответственности к совершившим посягательства новым «хозяевам» страны. Эти расчёты и перемены в уголовной политике нашли отражение и в законодательном определении понятия наказания в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. В ст. 7 данного акта наказание дефинировалось как мера принудительного воздействия, посредством которой обеспечивается данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников). В другой статье (10-й) сущность наказания увязывалась с причинами преступности. Поскольку криминальные эксцессы в классовом обществе порождались укладом общественных отношений, участником которых является любой преступник, в акте подчеркивалось, что наказание не есть возмездие за вину или искупление вины. Оно выступает оборонительной мерой и не должно причинять преступнику излишних страданий.

Установка на оборонительный характер наказания сохранилась в УК РСФСР 1922 г., но в нём, согласно названию раздела IV, обозначилась концепция нового статуса наказания, получившая нормативное закрепление в Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г., в тексте которых состоялась замена термина «наказание» на «меры социальной защиты». Ожидаемым образом, в соответствии с федеративным устройством СССР, указанная

новация нашла своё отражение в уголовных кодексах союзных республик. Так, согласно ст. 8 УК БССР 1928 г. к лицам, совершившим общественно опасные деяния (преступления) или являющимся опасными по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера. К первой группе относились те меры, которые раньше назывались и по сути были классическими наказаниями. Специалисты той эпохи в смене терминов усматривали стремление государства к отказу от термина «кара», который свидетельствовал о возмездном характере наказания.

Позже советскими учёными данное законодательное решение было подвергнуто критике, а новый виток споров относительно сущности наказания был обусловлен формулировкой понятия наказания, закреплённой в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и текстами уголовных кодексов союзных республик, принятых в 60-е годы. Так, в ст. 20 УК БССР 1960 г. было зафиксировано, что наказание не только является карой за совершённое преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осуждённых в духе точного исполнения законов, а также предупреждение совершения новых преступлений как осуждёнными, так и иными лицами. Вторая часть данной статьи, которая в целом называлась «Цели наказания», фактически олицетворяла «антицели» наказания, поскольку в ней объявлялось, что наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Данные нормативные новации показывают, что законодатель послесталинской эпохи устранился от раскрытия сущности наказания, сконцентрировавшись лишь на его целях.

Противоречивая формулировка закона явилась толчком к научным спорам по определению сущности наказания. Их содержание сводилось к тому, является ли кара целью наказания и что считать сущностью наказания: кару и убеждение либо только кару. Большинство специалистов придерживалось мнения, будто сущностью наказания выступает только кара. Разночтения состояли в определении её содержания: некоторые отождествляли кару с принуждением, другие вкладывали в её смысл отрицательную морально-политическую оценку общественно опасного деяния и лица, его совершившего. Так, В. М. Хомич специфическим признаком уголовной кары провозглашал «государственное порицание, осуждение преступника, которое имманентно присуще ей в отличие от иных видов кары» [8, с. 13]. Таким образом, в упрощённом виде основные концепции кары как сущности наказания можно свести к следующему: кара – принуждение; кара – страдания и лишения; кара – принуждение с целью вызвать страдание; кара – осуждение плюс порицание.

Имея богатый багаж воззрений на сущность наказания, советская уголовно-правовая наука была готова к процессу реформирования уголовного законодательства, начатому в 90-х годах прошлого века. Нарботанные подходы учёных к конструированию уголовно-правовых норм, в том числе и касающихся наказания, легли в основу созданных ими модели Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик и позднее – модельного Уголовного кодекса для государств-участников СНГ.

В принятом в 1999 г. Уголовном кодексе Республики Беларусь заложена концепция уголовной ответственности с определением её сущности и форм реализации, где наказание получило статус одной из таковых форм. И действительно: согласно законодательной дефиниции наказания, содержащейся в ст. 47 УК РБ, оно объявлено принудительной мерой уголовно-правового воздействия, применяемой по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающейся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осуждённого. Получается, что наказание: 1) является мерой уголовно-правового воздействия принудительного типа; 2) имеет государственный характер, ибо назначается по приговору суда; 3) персонифицировано, поскольку применяется к лицу, осужденному за преступление; 4) по своему содержанию заключается в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осуждённого. Получается в итоге, что белорусский уголовный закон фактически отождествляет наказание с карой, однако термин «кара» не использует.

Таким образом, эволюция понимания наказания в социокультурном разрезе выглядит следующим образом: месть → устрашение → возмездие → элементы восстановительно-компенсационного характера → меры безопасности → меры социальной защиты → кара → государственное принуждение.

Обратимся к современному пониманию содержания наказания как формы реализации юридической ответственности. Полагаем правильным изложенный Н. В. Витруком подход к выделению восстановительной и карательной функций юридической ответственности (наряду с превентивной

и воспитательной) [9]. Представляется, что данная классификация функций может быть успешно применена при рассмотрении не только уголовной ответственности и форм её реализации, но и в целом ко всей системе мер уголовно-правового воздействия, что имеет существенное практическое значение. Причём различные меры уголовно-правового воздействия призваны осуществлять различные функции. Так, наказание реализует преимущественно карательно-штрафную (наказательную) функцию. А. В. Шидловский заключает, что «современный уголовный закон имеет возмездно-карательную направленность и сориентирован на выполнение задач общей превенции» [10, с. 293]. По мнению Н. В. Витрука, «карательно-штрафная ответственность направлена на воздействие на правонарушителя в виде наказания (кары, правоограничений, лишений) за совершённое правонарушение» [9]. Защитный потенциал наказания, заключающийся в «восстановлении им нарушенного правового состояния субъекта права, нормального хода реализации им прав и свобод, в возмещении либо компенсации нанесённого правонарушением ущерба» [9], по сравнению с карательно-штрафным потенциалом, существенно ниже и, реализуется в частной превенции посредством формирования у осужденного установок на правомерное поведение. У иных мер уголовно-правового воздействия, например, у специальной конфискации имущества, приобретённого преступным путем, восстановительно-компенсационная составляющая значительно выше, чем у наказаний. Карательной составляющей данная мера государственного принуждения вовсе лишена, т. к. не направлена на лишение или ограничение законных прав и свобод лица, совершившего преступление.

Применение мер уголовно-правового воздействия направлено на: восстановление нарушенных общественно опасным деянием законности и правопорядка, социально полезных общественных отношений, нормальных жизненных условий человека, удовлетворение общественного правосознания, разрушение негативной ценностной ориентации. Одновременно должны минимизироваться и заглаживаться вредные последствия, причинённые общественно опасным деянием, компенсироваться причинённый вред, возмещаться ущерб, взыскиваться доход, полученный преступным путём. Изложенное можно обобщить единым собирательным понятием – восстановление социальной справедливости.

Полагаем, восстановлению социальной справедливости следует отвести первостепенную роль как цели уголовно-правового воздействия. Она – тот основной (но не единственный) конечный результат, на достижение которого следует рассчитывать, реализуя ту или иную меру уголовно-правового воздействия. Данный вывод не претендует на научную новизну: приоритет восстановления социальной справедливости среди целей уголовной ответственности убедительно обоснован Э. А. Саркисовой [11]. Мы предлагаем распространять выводы указанного учёного не только на меры уголовной ответственности, но и на уголовно-правовое воздействие в целом.

Полагаем, что сугубо карательное начало наказания, выраженное в ограничении прав и свобод осужденного, должно дополняться развитием восстановительного характера мер уголовно-правового воздействия. При таком векторе эволюции оно приобретает важнейшую ценностную основу – восстановительную. Она существовала и в прошлом, одновременно со ставкой на устрашение, возмездие и кару.

Прогнозируемую нами трансформацию наказания следует признать важнейшим направлением модернизации охранительной функции уголовного права с позиций социокультурного анализа. Ведь изменения, затрагивающие наказание, отражаются не только на системе мер уголовно-правового воздействия, но и в целом влияют на функционал уголовного права и решение его задач.

Установление в ч. 3 ст. 44 действующего УК Республики Беларусь цели восстановления социальной справедливости видится важной социокультурной эволюцией охранительной задачи уголовного закона. В перспективе это приведёт к официальному признанию наказания не *основной*, а *крайней* мерой уголовной ответственности, применяемой в случае, если иными мерами государственного принуждения нельзя обеспечить выполнение охранительной функции уголовного закона и целей уголовной ответственности. А ещё модернизация охранительной функции завершится объявлением требования, чтобы меры уголовно-правового воздействия обязательно были экономически целесообразными, не затратными, способными эффективно решать поставленные перед ними задачи.

По утверждению И. В. Михайловского, «наказание представляет собою квалифицированное принуждение, почему и не противоречит сущности права, так как принуждение есть одна из существенных гарантий права. Наказание, конечно, есть зло, но зло необходимое. <...> им надо пользоваться в высшей степени бережно, осторожно, всегда имея в виду те многочисленные вредные

эффекты, которые оно может произвести» [4, с. 269]. В основе приведённой мысли лежит стратегия максимальной защиты общества от преступлений при минимуме потерь от этой защиты.

Весьма затруднительно рассматривать наказание и иные меры уголовно-правового воздействия культурной или социокультурной ценностью, если понимать наказание лишь как зло, принуждение, кару. Вопреки такой устоявшейся трактовке социокультурный подход позволяет рассмотреть уголовно-правовое воздействие как отражение социальной справедливости во имя общественно и ценностно значимых целей.

И. В. Михайловским были определены исключительно значимые постулаты, на которых должна базироваться ценностная основа уголовно-правового воздействия (применительно к наказанию). «Несомненно, что общежитие держится на устоях более солидных и более достойных человеческой природы, чем принуждение», – отмечал учёный [4, с. 260]. А ещё «наказание есть только паллиатив. Единственным ценным для общества результатом наказания является ряд косвенных влияний в виде поддержания в некоторых случаях авторитета закона, устрашения, предупреждения дикой саморасправы, иногда исправления (социального) преступника, а главное – подавление многих низких инстинктов в тех случаях, когда все другие мотивы действуют недостаточно» [4, с. 268].

Заключение. Одна из основных задач уголовно-правовой доктрины – формирование универсальной ценностной основы для мер государственного принуждения в сфере противодействия преступности. Как справедливо заключил цитируемый нами И. В. Михайловский, «наказание должно быть проникнуто не теми началами, с которыми оно борется, а наоборот – теми, во имя которых оно борется» [4, с. 274].

Полагаем, что именно восстановительный характер уголовно-правового воздействия должен рассматриваться в качестве первостепенной задачи. Это достигается совокупностью всех мер указанного типа, причём приоритет в её достижении следует отводить не наказанию, а иным мерам уголовно-правового воздействия. Данный вывод позволяет признать сформированность предпосылок для трансформации карательно-штрафной составляющей наказания в направлении компенсационно-восстановительного потенциала уголовного права в целом и прежде всего развития иных мер уголовно-правового воздействия.

Несмотря на широко распространённые различия в содержании законов, теоретики права и антропологи утверждают, что законы имеют некоторые общие абстрактные признаки и даже предполагают, будто право может быть человеческой универсалией. Изучение мер уголовно-правового воздействия в различных государствах позволяет выделить определённые базовые черты, присущие им, включая подходы к формированию системы наказаний, обязательное наличие в них лишения свободы и штрафа при выведении за пределы государственного списка уголовных кар или полном отказе от смертной казни.

В качестве гипотезы можно предположить, что существует некая уникальная межкультурная парадигма уголовно-правового воздействия, представляющего собой универсальный общественный опыт. Также следует отметить, что в содержании мер уголовно-правового воздействия в историческом контексте наблюдается гораздо больше различий, чем в сравнительно-правовом.

Изложенное свидетельствует, что наказание и иные меры уголовно-правового воздействия следует рассматривать как социокультурный феномен и исследовать их предпосылки, современное состояние и перспективы развития, используя социокультурный подход в качестве методологической основы. Именно он способен содействовать определению того, что же выступает предметом уголовного права: только преступление и наказание либо все институты и категории, имеющие какое-то бы ни было отношение к совершению общественно опасного деяния и системе мер уголовно-правового воздействия, в эпицентре которых расположено наказание в качестве средства «крайней необходимости».

Список источников

1. Гусейнов А. И. Право как феномен культуры: дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.01. М., 2007. 410 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/pravo-kak-fenomen-kultury> (дата обращения 28.04.23 г.).
2. Библик О. Н. Роль культурных ценностей в уголовно-правовом регулировании // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 2 (19). С. 122–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kulturnyh-tsennostey-v-ugolovno-pravovom-regulirovanii/viewer> (дата обращения 29.04.23 г.).
3. Бойко А.И. Нравственно-религиозные основы уголовного права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 248 с.

4. Михайловский И. В. Наказание как фактор культуры // Вопросы философии и психологии. Книга II (77). Март-апрель 1905 г. С. 250–302. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/79e/Voprosy%20filosofii%20i%20psixologii.%20Kniga%2077%20j1905ixruls292sf.pdf> (дата обращения 1.05.23 г.).
5. Гринберг М. С. Уголовное право как феномен культуры // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 2. С. 57–62.
6. Бибик О. Н. Культурологический подход к исследованию государства и права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 2 (19). С. 14–22 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskiy-podhod-k-issledovaniyu-gosudarstva-i-prava/viewer> (дата обращения 3.05.23 г.).
7. Уголовное право. Общая часть: учебник / Н. А. Бабий, А. В. Барков, И. О. Грунтов и др.; под ред. В. М. Хомича. Минск: Тесей, 2002. 496 с.
8. Хомич В. М. Теоретические проблемы уголовной ответственности (формы реализации). Минск: Изд-во Ин-та управления, 1997. 88 с.
9. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. М.: Изд-во РАП, 2008. 304 с. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2023.
10. Шидловский А. В. Цели уголовной ответственности и законодательное обеспечение их реализации / Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики: сб. науч. тр. / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) и др. Минск: БГУ, 2005. С. 288–295.
11. Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе: сб. науч. ст. Вып. 5. Избранные труды профессора Э. А. Саркисовой / под. ред. Д. Л. Гулякевича, Д. В. Шаблинской. Минск: Колорград, 2019. 372 с.

References

1. Guseynov A. I. *Law as a Phenomenon of Culture*: dis. ... dr. legal sciences: 12.00.01. Moscow; 2007. 410 p. (In Russ.) Available from: <https://www.dissercat.com/content/pravo-kak-phenomen-kultury> [Accessed 28 April 2023].
2. Bibik O. N. The role of cultural values in criminal law regulation. *Bulletin of Omsk University. Series "Right"*. 2009;2(19):122–129. (In Russ.) Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kulturnyh-tsen-nostey-v-ugolovno-pravovom-regulirovani-i/viewer>. [Accessed 29 April 2023].
3. Boyko A. I. *Moral and religious foundations of criminal law*: monograph. Moscow: Yurlitinform; 2010. 248 p. (In Russ.)
4. Mikhailovsky I. V. Punishment as a factor of culture. *Questions of Philosophy and Psychology*. Book II (77). March-April 1905:250–302 (In Russ.). Available from: <https://runivers.ru/upload/iblock/79e/Voprosy%20filosofii%20i%20psixologii.%20Kniga%2077%20j1905ixruls292sf.pdf> [Accessed 1 May 2023].
5. Grinberg M. S. Criminal Law as a Phenomenon of Culture. *News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*. 1992;(2):57–62. (In Russ.)
6. Bibik O. N. Culturological approach to the study of state and law. *Bulletin of the Omsk University. Series "Right"*. 2009;2(19):14–22 (In Russ.). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskiy-podhod-k-issledovaniyu-gosudarstva-i-prava/viewer> [Accessed 3 May 2023].
7. *Criminal law. General part*: textbook. N. A. Babiy, A. V. Barkov, I. O. Gruntov and others; V. M. Khomich (ed.). Minsk: Tesey; 2002. 496 p. (In Russ.)
8. Khomich V. M. *Theoretical problems of criminal liability (forms of implementation)*. Minsk: Publishing House of the Institute of Management; 1997. 88 p. (In Russ.)
9. Vitruk N. V. *General theory of legal liability*. Moscow; 2008. 304 p. [Electronic resource]. ConsultantPlus. Russia. Moscow; 2023. (In Russ.)
10. Shidlovsky A. V. Goals of criminal liability and legislative support for their implementation. In: *Problems of development of legal science and improvement of law enforcement practice*. Editorial board: S. A. Balashenko (chief editor) and others. Minsk: BSU; 2005:288–295. (In Russ.)
11. *Actual problems of improving the criminal legislation of the Republic of Belarus at the present stage*. Issue. 5. Selected works of Professor E. A. Sarkisova. ed. D. L. Gulyakevich, D. V. Shablinskaya (eds.). Minsk: Kolorgrad; 2019. 372 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. В. Шаблинская – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Information about the author

D. V. Shablinskaya – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law of Faculty of Law of Belarusian State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 31.05.2023; одобрена после рецензирования 11.06.2023; принята к публикации 12.06.2023. The article was submitted 31.05.2023; approved after reviewing 11.06.2023; accepted for publication 12.06.2023.